

Запомнить [www.wuxiax.com] за одну секунду, быстрое обновление, без всплывающего окна, бесплатно для чтения!

Фэн Чжи молча слушал и в душе восхищался другой стороной. После инцидента не было никаких задержек, и судебное разбирательство началось почти сразу. В столь сжатые сроки уголовный департамент так хорошо подготовил свидетелей. Такая высокая эффективность, превосходящая прошлое, доказывает другая сторона. Действительно, подготовка шла не один день, он действительно грозен и полон решимости обрушить себя.

Пэн Пэй холодно посмотрел на нее задумчивым взглядом, его глаза вспыхнули цветом, и он спокойно взглянул на лорда, но было видно, что ему все еще неспокойно.

В суд пришел еще один свидетель. Издалека он увидел, что спина раздетой Фэн Чживэй дрожит, дрожит, дрожит, дрожит и стоит на коленях у ее ног.

Глаза Фэн Чживэй вспыхнули - очень хорошо, очень хорошо, наконец-то у нее появился свидетель, превзошедший все ее ожидания.

"Студент... Ни Вэньюй из Цинминской академии политических наук и истории... В тот вечер... В одной комнате со всеми... На банкете мы пригласили Вэй Сие... в это время... в это время..."

По сравнению с теми свидетелями, которые ясно говорили впереди, стоящий на коленях человек под залом теперь опустил голову, его глаза мерцали и дрожали, и он нерешительно колебался.

Потому что Вэй Сие стоял на коленях рядом с ним и смотрел на него исподлобья.

Ни злости, ни печали, ни гнева, ни удивления, ни злости, неудержимо лез вверх и бранился, и ни удивления не было в том, чтобы поцарапать его. Голова его, глаза светлы и спокойны, на губах даже появилась странная улыбка.

Странная, невыразительная улыбка.

Как будто... с легким смешком, с легкой жалостью, с легким презрением, с легким... наблюдать за игрой марионеток так же весело, но никогда не вступать в спектакль.

С такой улыбкой любой почувствует себя марионеткой под его контролем.

Тело Ни Вэньюя задрожало.

У Вэй Сие была такая улыбка, он видел ее в Академии Цинмин.

Всякий раз, когда он встречал беспокойного человека или беспокойную беду, Вэй Сие улыбался вот так, а затем, беда была стерта, и большинство беспокойных людей все еще должны были Конеч жалок.

Вэй Сие - **** в сердцах студентов Академии Цинмин, и он тоже, но сегодня он предал своего **** лично.

Он зарыл голову ниже и не мог произнести ни слова.

"Ни Вэньюй". Но кто-то в зале сказал: "Пэн Пэй, отдел наказаний, красноречиво сказал: "Несмотря на вашу смелость и правдивость, вы можете быть уверены, что это отдел наказаний Ланьфан Цянькунь Чжаожао, и у всех есть Шаншу, чтобы принимать за вас решения!"

Тон был сгущенным и подавленным, Ни Вэньюй снова задрожал.

Его палец попал в трещину кирпича.

Он отличается от официальных детей Яо Яньюй Цянь Янь. Он из бедной семьи. Без них он не может быть чиновником. Им приходится работать больше, чем обычным людям, чтобы получить половину результатов других. Как бедные студенты, они погрузились в книги и упорно трудились шаг за шагом. Он завидовал плавности хода детей Гуйцзе и старался сблизиться с ними, но тратить с ними деньги - все равно что пировать на совместных предприятиях в Яньчуне. Денег достаточно, чтобы поднять руку, но с него сняли хлопковое пальто на эту зиму... Мать дома не знала мартовского мяса, а ему пришлось наблюдать, как на банкете наугад рассыпали целую тарелку нетронутых блюд...

После той ночи он беспокоился о завтрашних деньгах на рис, но кто-то нашел его.

Бай Иньцянян, и обеспечить, чтобы он выиграл Весенний фестиваль, даже если храм не может быть судим, но и обеспечить, чтобы он был рекомендован местными чиновниками, по крайней мере, офис клерка, светлое будущее, соблазн начать.

Темнота ослепляла до последней капли совести честолюбивого бедного студента.

Слова Пэн Пэя, казалось, эхом отдавались в его ушах. Ни Вэньюй был безжалостен.

На данный момент серебро уже в его руках. Раскаиваться уже поздно. Большой муж в мире, не безжалостный и не взрослый!

С закрытыми глазами из груди вырываются слова, которым учили другие.

"В этот период ученики не участвовали в виноделии из-за неумения пить вино. Они спали на одном боку и случайно увидели, как мастер Гу дважды подходил во время тоста двух наложниц Ты и Чжан, заимствовал покровы чужих тел и печатал форму для ключа из глины!"

"Чтоб тебе пукнуть!" Хуа Цюн, как "свидетельство силы", перестал слышать за оградой. Услышав эту фразу, он не мог не выругаться. "Гу Нань действительно хочет это сделать, ты видишь это? Бесстыдно, попав в ловушку невинности, ты все еще ученый, ты теряешь лицо читателя и лицо Цинмина!"

Ни Вэньюй выругался с бледным лицом, а его горящие глаза летали по сторонам. Пэн Пэй посмотрела на него и отвернулась, боясь, что он вылетит от неподобающего взгляда, и быстро крикнула: "Хуа Цюн! Разрешить тебе прийти в суд для слушания дела - это исключение. Вмешиваюсь в дело и немедленно прогоняю вас!"

Хуа Цюн мотнул головой, и сильный плевок попал на лицо Ни Вэньюй: "Я жду, когда ты будешь утоплен плевком Цинмина! Скорбящая собака!"

Пэн Пэй испугалась того, что ее до сих пор ругают, и немедленно вызвала: "Гуань Гу Нань!"

"Чуань Гу Нань..."

Фэн Чживэй тут же развернулся на земле и посмотрел в сторону. С озабоченным видом Нин И, который медленно пил чай в зале, вдруг начал кашлять.

Кашель становился все более и более тревожным, грудь дрожала, в горле першило, Нин И

быстро накрыл его чашкой.

Масса запекшейся крови беззвучно вылилась в зеленый чай.

Нин И смотрел на чай, который постепенно краснел, и бледно-красная поверхность воды отражала мрачные глаза, думая о глазах Фэн Чживэя, о беспокойстве, и никогда не вспоминал его в трансе.

Она подарила Гу Наньи самую настоящую эмоцию, а ему - самое глубокое облако мыслей.

Нин И улыбнулась, и ее глаза все еще были в бледно-красной воде.

В этом мире любви тот, кто соблазнился первым, будет грустить первым.

Он хотел быть независимым человеком, и у него не было проблем в жизни, чтобы манипулировать миром по своему усмотрению, но он встретил другого, более безжалостного.

Трудно сказать, просто выпей.

Седьмой принц наклонился к нему, посмотрел на него с беспокойством и сказал: "Чай шестого брата остыл? Я попросил кого-нибудь поменять его".

Как только он позволил, он вылил чай в бонсай позади него, и чай быстро исчез у корня дерева.

Затем он улыбнулся и сказал.

"Этот чай действительно горький".

Звук тяжелых кандалов, звук того, что его тащат далеко на землю, был тяжелым, как будто великан шел шагом. Чжан Юн, который когда-то служил иностранцем в уголовном отделе, вдруг запнулся и пробормотал: "Как я это использовал?"

<http://tl.rulate.ru/book/19936/2460380>